

УДК 81

**THE VERB INTERPRETATION IN ARABIC AND ARMENIAN
GRAMMATICAL TRADITIONS
(IN THE CONTEXT OF GREEK INFLUENCE)
О ТОЛКОВАНИИ ГЛАГОЛА В АРАБСКОЙ И АРМЯНСКОЙ
ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ
(В КОНТЕКСТЕ ГРЕЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ)**

А.К. Андреасян

*Ереванский государственный университет языков и социальных наук
имени В.Я. Брюсова
arusandreasyan@gmail.com*

Submission Date: 12.01.18

Аннотация

Статья посвящена проблеме толкования глагола в арабской и армянской грамматических традициях на ранних этапах их формирования, на основе анализа соотношения арабской и армянской грамматики с греческой логикой и философией языка арабского философа-неоплатоника X в. аль-Фараби (870-950). Статья ставит целью представить некоторые наблюдения, которые в свете междисциплинарных исследований могут быть использованы для выявления параллелей между, с одной стороны, армянской грамматической и философской мыслью, с другой стороны – арабской грамматикой и философией языка аль-Фараби. В результате исследования становится ясным, что армянская и арабская грамматики, подвергавшиеся влиянию древнегреческой научной мысли в период своего формирования, обращались к ряду подобных вопросов, как например: проблема первенства глагола и имени и вопрос о первенстве глагольных времён. В этом контексте следует подчеркнуть созвучное понимание глагольных времён у аль-Фараби и представителя армянской грекофильской школы Мовсеса Грамматика.

Ключевые слова: *арабская грамматическая традиция, армянская грекофильская школа, греческая логика, философия языка, проблема первенства глагола и имени, первенство глагольных времён*

Abstract

The paper is dedicated to the problem of verb interpretation in Arabic and Armenian grammatical traditions at the early stages of their formation, based on the analysis of the correlation of Arabic and Armenian grammar with Greek logic and the philosophy of language of al-Farabi, a 10th century Arab Neoplatonic philosopher (870-950). The article aims to present some observations and by using

interdisciplinary research methods to draw parallels between Armenian grammatical and philosophical thoughts, and the approaches of Arabic grammar and the philosophy of language of al-Farabi. As a result, it becomes clear that the Armenian and Arab grammatical traditions, which were influenced by the ancient Greek scientific thought at the beginning of their formation, have discussed a number of similar questions, such as the primacy problems of verb and name and verb tenses. In this context, the paper emphasizes the similar perception of the verb tenses by al-Farabi and the representative of the Armenian Hellenophile School Movses Grammarian.

Key words: *Arabic grammatical tradition, Armenian Hellenophile School, Greek logic, philosophy of language, the primacy problem of verb and name, the primacy of verb tenses*

ВВЕДЕНИЕ

Одной из самых обсуждаемых задач арабского языкознания является вопрос греческого влияния на процесс формирования грамматических учений.

В IX в. в Арабском халифате разворачивается широкомасштабная переводческая деятельность (в основном, с использованием ассирийского в качестве языка-посредника, а именно: с греческого на ассирийский, потом, на арабский). Можно заметить, что это не было только лишь переводом, но мощным методом ознакомления с чужим научным и философским наследием. Как отмечает арабист, исламовед Д. Гутас, к концу X в. почти всё греческое научное и философское наследие было доступно арабам [Gutas, 1998, p. 1]. Оно сыграло определяющую роль в ходе развития арабо-мусульманской культуры. Важность этой переводческой деятельности в арабской научной и культурной жизни, пожалуй, можно сравнить с большим значением переводческого движения и формирования грекофильской школы, начатого в Армении после создания в V в. армянской письменности, когда переживала расцвет армянская, как переводная, так и самостоятельная литература, были переведены с греческого и истолкованы десятки ценных сочинений античных авторов, в том числе, «Категории» и «Об истолковании» (De Interpretatione) Аристотеля (д. н. э. 384-322), «Введение» («Isagoge») Порфирия¹⁶ и «Грамматическое искусство»

¹⁶ Порфирий Финикийский (III-IV вв. н. э.) – античный философ, представитель неоплатонизма, автор множества философских трудов, среди которых широко известно его «Введение» к «Категориям» Аристотеля, или просто «Введение». В средневековой философии было придано большое значение этому труду как самого настоящего введения к «Категориям» Аристотеля, помогавшего лучше понимать суть категорий Аристотеля. В истории армянской философии одним из известных толкователей этого труда был величайший армянский мыслитель V-VI веков Давид Непобедимый [Davit' Anahaght', 1999, pp. 91-181]. В арабо-мусульманской среде ценное толкование «Введения» Порфирия принадлежит перу аль-Фараби.

(*Tékhnē grammatiké*) Дионисия Фракийского¹⁷. Г. Манандян, подвергший скрупулёзному анализу произведения грекофильской школы, пишет: «Греческое направление – великий переворот в древне-армянской рукописной традиции, который основательно преобразовывает армянский литературный язык, стиль, также научный, идейный запас и мировоззрение авторов» [Manandyan, 1928, p. 3].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вся переводческая деятельность у арабов в IX-X вв. была сконцентрирована в Багдаде, где халифами Аббасидами был основан крупный интеллектуальный центр *Bayt al-ḥikmah* («Дом мудрости») [Gutas & van Bladel, 2009, pp. 133-137]. В этот период здесь осуществляются исследования, имеющие колоссальное значение, как в области арабской грамматики, так и в области арабских толкований греческой логики. Многие учёные, в том числе Абу Бишр Матта ибн Юнус (умер в 940 г.), Яхья ибн Ади (умер в 974 г.), Абу Сулейман аль-Сиджистани (умер в 985 г.) и другие, приезжают в Багдад. Они концентрируют своё внимание на исследовании Аристотелевского корпуса, переводя на арабский язык (в основном, через ассирийский) те труды, которые ещё не были переведены переводчиками VIII-IX вв., а также корректируя и толкуя прежде переведённые варианты. Их основной целью являлось открыть учения Аристотеля и его греческих толкователей для арабоязычных студентов, изучающих философию и логику¹⁸. В этом контексте очень важное место занимал «Органон» Аристотеля.

Таким образом, осуществив переводы греческих философских и логических сочинений (первоначально, в основном, дословно) и создав арабскую терминологию, эти переводчики и толкователи приобщили греческую логику к арабской грамматике, пытаясь применить принципы греческой логики в контексте последней.

Интересно заметить, что ещё в дописьменную эпоху Армения также находилась в тесном политическом, экономическом и культурном контакте с греческим миром – одним из главных центров возникновения грамматики, будучи вовлечённой в сферу эллинистического влияния, что не могло не отразиться на передаче лингво-грамматических знаний [Jahukyan, 1954, pp. 31-40]. А в V-VII вв. постепенно сформировалось и стало развиваться культурно-переводческое направление, которое в армяноведении принято называть

¹⁷ Дионисий Фракийский (170-90 д. н. э.) – автор самого древнего систематизированного сочинения, обобщающего все грамматические наблюдения грамматики Александрийской школы. Сочинение представляет собой краткое практическое изложение александрийской грамматики. Он служил образцом для формирования и развития грамматических традиций латинского и других языков (в том числе и армянского).

¹⁸ Об арабских переводах трудов Аристотеля и их отдельных изданиях см. [Walzer R., 1963, pp. 60-113].

«грекофильской школой», а неологизмы, отклоняющиеся от классического армянского и основанные на греческом – «грекофильским армянским» [Muradyan, 1971, p. 10].

Этим же обусловлено и то, что на раннем этапе формирования как армянских, так и арабских грамматических традиций обсуждались общие вопросы, «переданные» греческой традицией. И в дальнейшем изложении настоящей статьи будет сделана попытка представить некоторые наблюдения, которые в свете междисциплинарных исследований могут быть использованы для выявления параллелей между, с одной стороны, армянской грамматической и философской мыслью, с другой стороны – арабской грамматикой и философией языка аль-Фараби.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Одна из версий истории формирования арабской грамматической традиции, согласно которой, она изначально зародилась и развивалась в иракском городе Басра, на протяжении веков приобрела статус официальной версии истории раннеарабской грамматики [Talmon, 2000, p. 245]. Согласно этой версии, первым арабским грамматиком считается Абу аль-Асуад аль-Дуали (умер 688/718), которому покровительствовал 4-ый праведный халиф Али (умер 661). Последний поручает ему заняться вопросами грамматики, чтобы исключить искажения [*fasād al-luġah*] в литературном языке и, особенно, во время чтения Священной Книги – Корана [Versteegh, 1996, pp. 16-19]. Далее упоминаются Сибавейхи (умер 796) – автор первой сохранившейся книги об арабской грамматике *Al-Kitāb*, Иса ибн Омар (умер 766), Юнус ибн Хабиб (умер 798/799) и, конечно, учитель Сибавейхи Халил ибн Ахмад (умер 786/791) [Talmon, 2000, p. 245].

Арабские источники в деле формирования арабской грамматики крупнейшим завоеванием считают создание учениками грамматиков Басры (предположительно во второй половине VIII в.) «нового очага» исследования языка и грамматики в Куфе (на северо-востоке от Басры). Видными деятелями Куфы были аль-Руаси (умер 809), аль-Кисаи (умер 805), аль-Фарра (умер 823), роль которых в деле формирования местного центра была настолько весомой, что этот центр стал «соперничать» с более древним центром в Басре [Versteegh, 1977, pp. 107-113]. Постоянным предметом обсуждений были как вопрос об истоках и истории этих «школ», так и вопрос использования ими специальной терминологии¹⁹. Позднее, когда крупнейшим культурным центром стал Багдад

¹⁹О терминологии, использованной грамматиками Басры и Куфы см., [Versteegh, 1993, pp. 9-16]. А основным источником, представляющим грамматические дискуссии и разногласия между этими «школами» является сочинение «Inṣāf» аль-Анбари (умер 1148) [Al-Anbārī, 2002].

– столица Исламской империи, здесь, в результате объединения грамматиков двух «школ», была создана «смешанная школа» [Owens, 1991, pp. 225-238; Versteegh, 1977, pp. 107-113].

Среди основных расхождений между грамматиками Басры и Куфы был вопрос о первенстве «глагола» и «имени». Согласно грамматикам Басры, *maṣdar*²⁰ (отглагольное имя) – тот источник, от которого производятся глаголы, в отличие от грамматиков Куфы, которые первенство отдавали глаголу [Versteegh, 1977, pp. 83-89, а из арабских первоисточников Al-Anbārī, 2002, pp. 192-201]. В арабистической литературе неоднократно обсуждался вопрос о том, что подобные обсуждения были результатом греческого влияния [Versteegh, 1977]. «Поскольку в античном мире не было проблемы языка вообще, а была только проблема имени, то естественно, что вопрос о происхождении частей речи должен был сузиться, превращаясь в вопрос только о возникновении имени и глагола» [Jahukyan, 1954, p. 139].

Стоит заметить, что на ранней стадии формирования армянской грамматики обсуждался вопрос первенства «имени» и «глагола», что также было результатом греческого влияния. Например: представители армянской грекофильской школы, толкователи грамматики Д. Фракийского Давид и Мовсес Грамматик (прибл. V-VII вв.) придерживались того мнения, что имя возникло прежде глагола, поскольку имя есть выразитель сущности, глагол же выразитель воздействия. То есть, они разделяют материю от движения, происхождение первых предпосылая происхождению вторых [Jahukyan, 1954, pp. 139, 166]. В качестве основного аргумента это можно увидеть и у басрийцев²¹. А грамматик Степанос Сюнеци (умер 731) отмечает первенство «глагола» перед «именем». Он, как и Аристотель, отождествляет «части речи» с «членами предложения». В концепции Сюнеци, «глагол» отождествляется со «сказуемым», считаясь «ядром» предложения, и «если имя абстрактно, то глагол – это конкретизация в предложении, будучи носителем всего высказывания» [Jahukyan, 1954, p. 192; Адонц, 1915, С. 203].

Таким образом, если у Давида и Мовсеса преобладал рационалистический подход, абстрагирование в определении частей речи от их употребления, то у Сюнеци вперёд выдвинута функция слов, исследование частей речи производится, исходя из их употребления. И он части речи рассматривает как синтаксические категории [Jahukyan, 1954, pp. 193-194].

²⁰ В терминологии грамматиков Куфы – «*ism al-fi'l*».

²¹ В арабской грамматике это является основным «несинтаксическим» аргументом, чтобы показать первенство «имени» перед «глаголом», см. [Versteegh, 1977, p. 143].

Что касается определения глагола в «арабской среде», то арабские грамматики обычно определяют глагол в морфологическом аспекте, то есть, берут те морфологические особенности последнего, которые дифференцируют, отделяют его от имени и частицы. Пример подобного определения можно увидеть у Сибавейхи [Sībawayhi, 1988, p. 12:3-4]²².

Но после переноса центра арабской грамматики в Багдад, наблюдаются значительные различия в контексте лингвистических подходов и мышления, в связи с переводом на арабский язык и толкованием греческих сочинений по философии и логике в IX-X вв. и с их соответствующим влиянием. В этот период среди арабских грамматиков отмечается интерес к исследованию теоретических основ лингвистических явлений, который отсутствовал в грамматических сочинениях более раннего периода. То же самое относится и к характеру и происхождению языка, и к обсуждениям связи языка и мышления, которые не встречались в арабской грамматике вплоть до X в. [Versteegh, 2000, pp. 300-306].

У грамматика X в. аль-Заджджаджи (860/870-949) уже явно можно увидеть влияние логики, что связано или непосредственно с влиянием философа-неоплатоника Абу Насра аль-Фараби (870-950), который был основным источником для ознакомления арабских авторов с греческой логикой, или же с аль-Сарраджем (умер 928), который, в свою очередь, учился логике у аль-Фараби. В своём сочинении «*Al-'Idāh fī 'ilal al-naḥw*» («Объяснение грамматики») аль-Заджджаджи всячески пытался дифференцировать логический и грамматический подходы.

Здесь стоит обратить внимание и на то наблюдение, что в X в. среди арабских грамматиков получает некоторое распространение переход от сибавейхийской терминологии *mādī – muḍāri'* к терминологии *mādī – ḥal – mustaqbal* [Versteegh, 1977, p. 80]. Скорее всего, это также было связано с широкомасштабными переводами на арабский язык аристотелевской логики. Хотя К. Верстег отмечает, что такая система терминов в арабской грамматике использовалась и до этих переводов. Это обстоятельство он связывает с фактором прямого воздействия греческой грамматики на арабскую грамматику [Versteegh, там же]. В целом, становится очевидной тенденция перехода от противопоставления *mādī – muḍāri'*, которое во многом относится к формальному плану, к противопоставлению *mādī – ḥal – mustaqbal*, которое рассматривается уже в содержательном, семантическом плане.

Арабские грамматики, основываясь на аргументах физических критериев, могли противиться существованию настоящего времени [Zajjājī, 1979, pp. 86-

²² О других вариантах определения «глагола» см. [Versteegh, 1977, pp. 70-90].

87], но они однозначно принимали существование системы иерархии трёх грамматических времён. Речь – это «отражение» реальности. Следовательно, есть как три грамматических, так и три физических времени. Система иерархии первых определяется иерархией последних [Versteegh, там же].

Аль-Заджджиджи допускает хронологическую очерёдность «существования ещё не существующего и существовавшего в прошлом», из чего исходит иерархия глагольных времён «будущего-настоящего-прошедшего» (*mustaqbal (muntazar) – ḥal – māḍī*). Он отмечает, что сначала что-то должно произойти, потом оно происходит, после чего оно уже в прошлом [Zajjājī, 1979, p. 85]. Как замечает К. Верстег, это совпадает с точкой зрения большинства арабских грамматиков [Versteegh, 1977, p. 81]. Но грамматик аль-Саррадж, например, придерживается другого мнения: он первым глагольным временем считает настоящее время, за которым непосредственно следуют будущее и прошедшее времена [Versteegh, там же]. Такой подход аль-Сарраджа мог бы быть результатом влияния аль-Фараби.

Аль-Фараби даёт альтернативное определение настоящего времени («*zamān ḥādir*», «*al-ān al-ḥādir*»). В *Ṣarḥ-e* («*Ṣarḥ al-Fārābī li-Kitāb Aristūtālīs fī al-'Ibārah*»), где он толкует «Об истолковании» Аристотеля, он пишет: «Если в прошедшем берётся какой-нибудь отрезок времени из [того] настоящего, являющегося и концом и началом, и которое соединяется с тем же временным отрезком будущего, и если эти два временных отрезка [взятые] из настоящего, являющегося и концом и началом, формируют один [общий] отрезок в прошедшем и будущем, и если они берутся вместе, то это время и есть настоящее» [Fārābī, 1960, p. 41: 2-4].

فإذا أخذ زمان له بعد محدود في الماضي من الآن الذي هو نهاية ومبدأ، وجمع إلى مثله من المستقبل وكان بعدهما جميعا من الآن الذي هو النهاية والمبدأ بعدا واحدا في الماضي والمستقبل وجمعا جميعا كان ذلك الزمان هو الزمان الحاضر.

То есть, для настоящего времени объединяются прошедшее и будущее времена. Время, предшествовавшее этому сложному настоящему времени – прошедшее время, а последующее – будущее время [Fārābī, 1960, p. 41].

Аль-Фараби убежден, что, когда речь идет о грамматических временах, Аристотель рассматривает настоящее («*al-ān*» – «сейчас») как источник, а два других времени (прошедшее и будущее) – просто производные от него. Это можно увидеть в его «Об истолковании» [Fārābī, 1960, p. 39]: «Также и «выздоровел», и «выздоровеет» являются не глаголами, а глагольными изменениями. Они отличаются от глагола тем, что глагол дополнительным

образом обозначает настоящее время, а они являются теми временами, которые вне настоящего» [Aristotle, 1963, 16^b16].

В *Ṣarḥ*– е аль-Фараби отмечает, что Аристотель называет глаголом только глагол настоящего времени. А когда необходимо указать на прошедшее и будущее времена, Аристотель использует не термин глагол (*al-kalimah*²³), а термин глагольное изменение (*taṣrīf al-kalimah*), этим разделяя глаголы на две группы – *kalim ġayr muṣarrāfah* и *kalim muṣarrāfah*, соответственно, неизменяемый (или глагол настоящего времени) и изменяемые (или глаголы прошедшего и будущего времени) [Fārābī, 1960, pp. 39-40].

Таким образом, основываясь на философии Аристотеля, аль-Фараби выражает убеждение, что этот философский подход, относительно времени, является более соответствующей основой для понимания идеи «глагола», нежели грамматическое понимание настоящего времени. В концепции грамматика аль-Заджджиджи настоящее время является «последовательным переходом (*awwalan-awwalan*) от будущего к прошедшему» [Zajjājī, 1979, p. 87]. А в концепции аль-Фараби прошедшее и будущее объединяются в «общевременное настоящее»²⁴.

Такое понимание настоящего времени в концепции аль-Фараби, как «общевременное настоящее время», состоящее из прошедшего и будущего, крайне важно для выражения логических связей, которые «вне времени». Подобным образом комментируя настоящее время, аль-Фараби преследовал цель решить проблему отсутствия глагольной связки в арабском языке [Andreasyan, 2014, pp. 43-56].

Интересно заметить, что в ранней стадии формирования армянской грамматики представители грекофильской школы также обсуждали вопрос о том, какое из трёх глагольных времён является главным. Грамматик Давид отмечает, что некоторые считают главным настоящее время, а некоторые – прошедшее [Адонц, 1915, С. 113]. Второй вопрос, поднятый Давидом о временах глагола, относится к объективности времени; то есть, оно «существует» или «не существует»? Другими словами, он рассматривает не грамматическое, а философское понимание понятия «время», как аль-Фараби. Грамматик утверждает, что сторонники первой точки зрения указывали на следующий пример: «Движение небесных тел, а также развитие всего сущего и соответствующий порядок в мире происходят во времени» [Адонц, там же]. А Аристотель говорил, что времени не существует, так же, как и «воображаемые

²³ Так именуется глагол в концептуальной системе аль-Фараби.

²⁴ Термин по Ш. Абеде – «omnitemporal present tense» [Abed, 1991, p. 120].

сущности²⁵ бывают известны лишь по названию, а не истинно» [Адонц, 1915, С. 113]. Другими словами, точка зрения Аристотеля здесь единодушно интерпретируется Давидом как последовательно идеалистическое мнение [Jahukyan, 1954, p. 146]. Фактически, подход Аристотеля, относительно времени, не является последовательно материалистическим или идеалистическим [Aristotle, eBook, Book 4].

Мовсес Грамматик признаёт превосходство настоящего времени над прошедшим и будущим. Он считает настоящее время «прямой» формой глагола, отмечая, что остальные – это его изменения. «Настоящее время это непосредственно видимое время, а прошедшее и будущее времена – слышимые; через настоящее время, как наиболее знакомое и известное, становятся известными и другие времена»²⁶ [Jahukyan, 1954, pp. 168-169; Адонц, 1915, стр. 174]. Г. Джаукян замечает, что такое определение глагольных времён Мовсесом Грамматиком было результатом влияния стоиков, в то же время отметив, что во многих вопросах армянский толкователь находился под влиянием Аристотеля [Jahukyan, там же].

ВЫВОДЫ

Становится ясным, что армянская и арабская грамматики, подвергавшиеся влиянию древнегреческой научной мысли в период своего формирования, обращались к ряду подобных вопросов, как например: проблема первенства глагола и имени и вопрос о первенстве глагольных времён. В этом контексте следует подчеркнуть созвучное понимание глагольных времён у аль-Фараби и представителя армянской грекофильской школы Мовсеса Грамматика. Они оба подчёркивают первенство настоящего времени глагола, считая его правильной формой и предпочитая его прошедшему и будущему временам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gutas, D. (1998). *Greek Thought, Arabic Culture. The Graeco-Arabic translation Movement in Baghdad and early 'Abbāsid Society (2nd-4th/ 8th-10th centuries)*. London, Routledge.
2. Gutas, D., & van Bladel K. (2009). *Bayt al-ḥikma*. In *Encyclopedia of Islam Three*, 2, 133-137.
3. Walzer, R. (1962). *Greek into Arabic: Essays on Islamic Philosophy*. Cambridge: Harvard University Press.

²⁵ В оригинале на древнеармянском употребляется термин «*յ ը շ ի ցար ի կ*» (*hushkararik*) [Ghazaryan, 2000, p. 251].

²⁶ Можно заметить, что этот подход имеет четкие параллели с подходом философа-стоика Хрисиппа Солийского, см. [Versteegh, 1977, pp. 75-76].

4. Ջահուկյան Գ. , Քերականական և ուղղագրական աշխատությունները Հին և Միջնադարյան Հայաստանում (V-XV դդ.), Երևան, 1954.
5. Մուրադյան Ա., Հունարան դպրոցը և նրա դերը հայերենի քերականության տերմինների ստեղծման գործում, Երևան, 1971.
6. Դավիթ Անհաղթ, Երկեր, Երևան, 1999.
7. Մանանդյան Հ., Հունարան դպրոցը և նրա զարգացման շրջանները, Վիեննա, 1928.
8. Talmon, R. (2000). The First Beginnings of Arabic Linguistics: The Era of the Old Iraqi School. *History of the Language Sciences*, 245-252.
9. Versteegh, C. (1996). Linguistic Attitudes and the Origin of Speech in the Arab World. In *Understanding Arabic: Essays in Contemporary Arabic Linguistics in Honor of El-Said Badawi*. Cairo; The American University in Cairo Press, 15-31.
10. Versteegh, C. (1977). Greek Elements in Arabic Linguistic Thinking. *Studies in Semitic Languages and Linguistics*. Leiden: E.J. Brill.
11. Versteegh, C. (1993). Arabic Grammar and Qur'ānic Exegesis in Early Islam. Leiden: E.J. Brill.
12. أبو البركات الأنباري، الإنصاف في مسائل الخلاف بين النحويين البصريين والكوفيين، القاهرة، 2002
13. Owens, J. (1991). Models for Interpreting the Development of Medieval Arabic Grammatical Theory. *Journal of the American Oriental Society*, 111 (2), 225-238.
14. Адонц Н., Дионисий Фракийский и армянские толкователи, Петроград, 1915 (на армянском и русском языках).
15. سيوييه، الكتاب، الجزء الأول، القاهرة، مكتبة الخانجي، 1988.
16. Versteegh, C. (2000). Grammar and Logic in the Arabic Grammatical Tradition. *History of the Language Sciences*. Berlin and New York: Walter de Gruyter, 300-306.
17. أبو القاسم الزجاجي، الإيضاح في علل النحو، بيروت، 1979.
18. أبو نصر محمد ابن محمد الفارابي، شرح الفارابي لكتاب أرسطوطاليس في العبارة، بيروت، المطبعة الكاثوليكية، 1960
19. Aristotle. (1963). *Categories and De Interpretatione*, trans. with notes by J. L. Ackrill. Oxford: Oxford University Press.
20. Abed, Sh. (1991). *Aristotelian Logic and The Arabic Language in Alfarabi*, New York: State University of New York Press.
21. Անդրեասյան Ա. , Ստորոգելիական հանգույցի հիմնախնդիրն արաբերենում ըստ ալ-Ֆարաբիի, «Արաբագիտական ուսումնասիրություններ», Երևան 2014, հ. 7, էջեր 43-56.
22. Ղազարյան Ռ. , Գրաբարի բառարան, Երևան, 2000.
23. Aristotle. *Physics, Books IV*, trans. by R.P. Hardie and R.K. Gaye. Retrieved from <http://classics.mit.edu/Aristotle/physics.4.iv.html>.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Gutas, D. (1998). *Greek Thought, Arabic Culture. The Graeco-Arabic translation Movement in Baghdad and early 'Abbāsid Society (2nd-4th/ 8th-10th centuries)*. London, Routledge.
2. Gutas, D., & van Bladel K. (2009). *Bayt al-ḥikma*. In *Encyclopedia of Islam Three*, 2, 133-137.
3. Walzer, R. (1962). *Greek into Arabic: Essays on Islamic Philosophy*. Cambridge: Harvard University Press.
4. Jahukyan, G. (1954). *Qerakanakan & ughghagrakan ashxatut'yunnery' Hin & Mijnadaryan Hayastanum (V-XV dd.) [Grammar and Spelling works in Old and Medieval Armenia (V-XV centuries)]*, Yerevan.
5. Muradyan, A. (1971). *Hunaban dprocy' & nra dery' hayereni qerakanut'yan termineri steghc'man gorc'um*, Yerevan.
6. Davit' Anhaght' (1971). *Yerker [Works]*, Yerevan.
7. Manandyan, H. (1928). *Hunaban dprocy' & nra zargacman shrjannery' [Hellenophile School and its development periods]*, Vienna.
8. Talmon, R. (2000). *The First Beginnings of Arabic Linguistics: The Era of the Old Iraqi School*. *History of the Language Sciences*, 245-252.
9. Versteegh, C. (1996). *Linguistic Attitudes and the Origin of Speech in the Arab World*. In *Understanding Arabic: Essays in Contemporary Arabic Linguistics in Honor of El-Said Badawi*. Cairo; The American University in Cairo Press, 15-31.
10. Versteegh, C. (1977). *Greek Elements in Arabic Linguistic Thinking*. *Studies in Semitic Languages and Linguistics*. Leiden: E.J. Brill.
11. Versteegh, C. (1993). *Arabic Grammar and Qur'ānic Exegesis in Early Islam*. Leiden: E.J. Brill.
12. Al-Anbārī, I., Al-Anbārī, A. al-Barakāt, (2002). *Al-'Inṣāf fī masā'il al-xilāf bayna al-naḥwiyyīn al-Baṣriyyīn wa-al-Kufiyyīn [Fairness in the matters of disagreement between Basrian and Kufan grammarians]*, Al-Qāhirah.
13. Owens, J. (1991). *Models for Interpreting the Development of Medieval Arabic Grammatical Theory*. *Journal of the American Oriental Society*, 111 (2), 225-238.
14. Adonc, N. (1915). *Dionisij Frakijskij i armyanskije tolkovateli [Dionysius Thrax and the Armenian Interpreters]*, Petrograd, (in Armenian and Russian)
15. Sībawayhi. (1988). *Al-Kitāb [The Book]*, al-juz' al-'awwal [Part One], Al-Qāhirah, Maktabah al-Xānijī.
16. Versteegh, C. (2000). *Grammar and Logic in the Arabic Grammatical Tradition*. *History of the Language Sciences*. Berlin and New York: Walter de Gruyter, 300-306.

17. Zajjājī, Iḍāḥ = Abū al-Qāsim Al-Zajjājī. (1979). Al-'Iḍāḥ fī 'ilal al-naḥw [Grammar Interpretation], ed. by M. Mubārak, Bayrūt.
18. Fārābī, Ṣarḥ = Abū Naṣr Muḥammad ibn Muḥammad al-Fārābī. (1960). Ṣarḥ Al-Fārābī li-kitāb Aristūtālīs fī al-'Ibārah [Al-Farabi's Commentary on Aristotle's De Interpretatione], Bayrūt, Al-Maṭba'ah al-Kātūlikīyah.
19. Aristotle. (1963). Categories and De Interpretatione, trans. with notes by J. L. Ackrill. Oxford: Oxford University Press.
20. Abed, Sh. (1991). Aristotelian Logic and The Arabic Language in Alfarabi, New York: State University of New York Press.
21. Andreasyan, (2014). Atorogeliakan hanguyci himnaxndim araberenum y'st Al-Farabii [The problem of copula in Arabic according to Al-Farabi], "Arabagitakan usumnasirutyunner" [Arabic studies], Yerevan, h. 7 [vol. 7], Pp. 43-56.
22. Ghazaryan, R'. (2000). Grabari bar'aran [Dictionary of Grabar], Yerevan.
23. Aristotle. Physics, Books IV, trans. by R.P. Hardie and R.K. Gaye. Retrieved from <http://classics.mit.edu/Aristotle/physics.4.iv.html>.

Information about the author

PhD Arusyak Kalyaevna Andreasyan

Yerevan Brusov State University of Languages and Social Sciences

375002, Yerevan, Toumanyanyan Str., 42

Armenia

arusandreasyan@gmail.com